

Исмоилзода Манзаршохи Тоир
Магистрант,
Московский педагогический государственный университет,
Институт социально-гуманитарного образования,
Кафедра экономической теории и менеджмента

СТРАТЕГИЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ИСЛАМСКИХ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ В ПРАКТИКУ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Статья посвящена анализу механизмов интеграции исламских финансовых принципов в экономическую практику ряда мусульманских стран. Рассматриваются фундаментальные основы исламского финансирования: запрет ссудного процента, разделение рисков, этическая направленность инвестиций, а также их взаимосвязь с концепцией устойчивого развития. Автор проанализировал эволюцию мирового рынка исламских финансов, достигшего в 2023 году капитализации 3,38 трлн долларов, и динамику развития ключевых инструментов (банковских продуктов, сукук, такафул и др.). Особое внимание уделено российскому опыту имплементации партнерского финансирования с сентября 2023 года, включая нормативно-правовое регулирование эксперимента и формирование институциональной инфраструктуры. Выявлены барьеры масштабирования исламских финансов: дефицит стандартизации, ограниченная ликвидность вторичных рынков, необходимость гармонизации шариатских норм с

действующим правовым полем. Представлены перспективные направления интеграции исламской модели в мировую финансовую систему через цифровизацию, конвергенцию с ESG-повесткой и развитие трансграничных финансовых инструментов.

***Ключевые слова:** исламские финансы, партнерское финансирование, сукук, мушарака, мударобаха, шариятские принципы, устойчивое развитие.*

Ismoilzoda Manzarshokhi Toir

Master's student,

Moscow Pedagogical State University,

Institute of Social and Humanitarian Education,

Department of Economic Theory and Management

STRATEGY FOR IMPLEMENTING ISLAMIC PRINCIPLES AND METHODS OF FINANCING IN THE PRACTICE OF MODERN GLOBAL ECONOMY

Annotation

The study analyzes mechanisms for integrating Islamic financial principles into global economic practice. It examines the fundamental bases of Islamic financing – the prohibition of usury, risk-sharing, ethical investment orientation, and their connection with the concept of sustainable development. The evolution of the global Islamic finance market, which reached a capitalization of 3.38 trillion dollars in 2023, and the dynamics of key instruments development – banking products, sukuk, takaful – are analyzed. Special attention is paid to the Russian experience in implementing partnership financing since September 2023, including regulatory framework of the experiment and formation of institutional infrastructure. Barriers to scaling Islamic finance are identified – lack of

standardization, limited liquidity of secondary markets, need for harmonization of Sharia norms with existing legal frameworks. Promising directions for integrating the Islamic model into the global financial system through digitalization, convergence with the ESG agenda, and development of cross-border financial instruments are presented.

Keywords: *Islamic finance, partnership financing, sukuk, musharaka, mudarabah, Sharia principles, sustainable development.*

Исламская финансовая система базируется на религиозно-этических нормах шариата, формируя альтернативную парадигму экономических отношений. Центральным императивом выступает запрет рибха – ссудного процента, воспринимаемого как необоснованное извлечение дохода из денег без привязки к реальной хозяйственной деятельности [1]. Принципиальное отличие от традиционной банковской модели состоит в замене кредитора-заемщика на партнеров, совместно несущих коммерческие риски финансируемого проекта.

Второй базовый запрет – гарар (чрезмерная неопределенность в сделках) и майсир (спекулятивные операции) – исключает из инвестиционного портфеля производные финансовые инструменты, не обеспеченные материальными активами [2]. Это обеспечивает ориентацию капитала на реальный сектор экономики, минимизируя формирование спекулятивных пузырей. Каждая сделка должна иметь идентифицируемый базовый актив: недвижимость, оборудование, товарные запасы, интеллектуальную собственность.

Третий принцип – это негативный скрининг. Исламские финансовые институты не вправе финансировать производство алкоголя, табака, свинины, оружия, игорный бизнес, порнографическую индустрию [3, с. 52]. Запрет распространяется на компании, эксплуатирующие детский труд, нарушающие права человека, загрязняющие окружающую среду. Исследования

показывают, что данная фильтрация инвестиционных объектов органично коррелирует с ESG-критериями (environmental, social, governance), получившими широкое распространение в устойчивом финансировании экономик западных стран.

Конструктивным элементом выступает механизм распределения прибыли и убытков. Финансирующая сторона не получает гарантированного фиксированного дохода, аналогичного процентам по кредиту, – вознаграждение формируется исключительно как доля в результате коммерческой деятельности предприятия. Убытки также распределяются пропорционально. Это создает дополнительную мотивацию банка к тщательной оценке бизнес-плана и последующему мониторингу, трансформируя финансовую организацию в заинтересованного соинвестора, а не внешнего кредитора [4].

Практическая реализация рассматриваемых принципов осуществляется через набор специфических контрактов:

- мушарака (совместное партнерство с участием в управлении и пропорциональным распределением результата);
- мударабаха (доверительное финансирование, при котором инвестор предоставляет капитал, предприниматель управляет проектом, прибыль делится по договоренности, убытки несет инвестор);
- мурабаха (купля-продажа товара банком клиенту с торговой наценкой и рассрочкой платежа);
- иджара (лизинг, при котором банк приобретает актив и сдает его в аренду);
- истисна (контракт на изготовление товара по индивидуальному заказу с поэтапной оплатой) [5, с. 38].

На практике идеальная модель партнерства нередко размывается. По оценкам специалистов, реальная структура операций исламских банков характеризуется доминированием торговых схем (мурабаха, иджара), на которые приходится до 70% портфеля, тогда как истинно партнерские инструменты (мушарака, мударабаха) составляют лишь 15–20% [6, с. 73]. Это объясняется большими транзакционными издержками партнерских контрактов, сложностью мониторинга использования средств предпринимателем и асимметрией информации.

Корпоративное управление исламскими финансовыми институтами включает дополнительный уровень – шариатский совет, состоящий из религиозных ученых-правоведов (факихов), которые верифицируют соответствие всех продуктов и операций нормам ислама [7]. Данный совет вправе отклонить финансовую инновацию, даже если она экономически эффективна. Множественность школ исламского права (мазхабов) и различия в интерпретациях порождают гетерогенность стандартов: продукт, одобренный в Малайзии, может быть отвергнут в Саудовской Аравии. Отсутствие единой глобальной шариатской инстанции замедляет стандартизацию отрасли.

Сектор исламских финансов демонстрирует устойчивый рост на протяжении последних полутора десятилетий, интегрируясь в глобальную финансовую архитектуру. Несмотря на сложную макроэкономическую конъюнктуру 2023 года – инфляционное давление, геополитическую напряженность, ужесточение денежно-кредитной политики центральных банков – активы мировой индустрии исламских финансов достигли 3,38 трлн долларов США, прибавив 4% по сравнению с предшествующим годом [8]. Прогнозы экспертов оценивают потенциал рынка к 2032 году на уровне 5,35–6,7 трлн долларов при среднегодовом темпе прироста около 10% [9, с. 58].

Региональное распределение активов крайне неравномерно. Почти половина мировых исламских финансовых ресурсов (46,6%) сконцентрирована в странах Персидского залива – Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре, Кувейте, Бахрейне. Второе место занимает Восточная Азия и Тихоокеанский регион (21,8%), где доминирует Малайзия, на долю которой приходится 12% мировых активов. Ближний Восток и Северная Африка за вычетом стран Залива аккумулируют 12,7%, Европа и Центральная Азия – 8,3%, Южная Азия – 3,1% [8]. Обращает внимание минимальная представленность Африки к югу от Сахары (0,7%) и прочих регионов (0,9%), что свидетельствует о географически ограниченном характере отрасли.

Отраслевая структура мировых исламских финансов характеризуется резким преобладанием банковского сегмента, на который приходится 70,2% всех активов. Исламские банки предлагают полный спектр услуг – депозиты, финансирование торговых операций, корпоративное кредитование, розничные продукты, управление активами. При этом лидерами выступают крупные универсальные банки: Al Rajhi Bank (Саудовская Аравия), Dubai Islamic Bank, Kuwait Finance House.

Второй по значимости сегмент – рынок сукук (исламских облигаций), составляющий 25% отрасли. Сукук представляет собой инвестиционный сертификат, удостоверяющий долевую собственность инвестора на определенный базовый актив (пул активов), а не долговое обязательство эмитента. Доход формируется за счет арендных платежей, торговой наценки или прибыли от коммерческого использования актива [10]. Общий объем сукук в обращении на конец 2023 года превысил 900 млрд долларов, ежегодная эмиссия составила порядка 100–170 млрд долларов [1, с. 13]. Впрочем, наблюдается волатильность выпусков: после пика 2021–2022 годов последние два года демонстрируют некоторое замедление объемов новых

размещений. Это связано с ростом стоимости фондирования и укреплением доллара США, в котором номинировано большинство международных сукук.

Лидером рынка сукук остается Малайзия, на которую приходится почти 50% мировых эмиссий. Страна создала комплексную инфраструктуру – законодательную базу, налоговые льготы для эмитентов, активный вторичный рынок через Bursa Malaysia. Другими крупными эмитентами выступают Индонезия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция [11, с. 52]. Интересен тренд интернационализации: 75% сукук размещаются на международных рынках – Лондонской, Ирландской, Люксембургской фондовых биржах в твердых валютах (доллары США, евро). Это привлекает глобальных институциональных инвесторов, заинтересованных в диверсификации портфелей этическими активами.

Третий сегмент – исламское страхование (такафул), занимающее всего 0,71% рынка. Принципиальное отличие такафул от конвенционального страхования – модель взаимопомощи участников фонда вместо передачи риска страховщику за премию [8]. Страховые взносы аккумулируются в общем пуле, из которого производятся выплаты пострадавшим, остаток распределяется между участниками или направляется на благотворительность. Глобальный объем страховых премий такафул достиг в 2023 году 24,05 млрд долларов, показав годовой прирост 6,5%. Основной драйвер – сегмент общего страхования (non-life), выросший на 21%. Лидером рынка такафул является Саудовская Аравия, где в 2022–2023 годах были собраны премии на 3,8–4,2 млрд долларов.

Парадоксальная особенность глобальной архитектуры исламских финансов – ключевая роль англосаксонских юрисдикций в обслуживании рынка. Лондонская фондовая биржа выступает третьей по величине площадкой листинга международных сукук (35% мирового объема, номинированного в долларах), Ирландская биржа – крупнейшей (38%) [1, с.

95]. Большинство долларовых сукук и исламских синдицированных кредитов регулируются английским правом. Британские банки организуют эмиссии и предоставляют свопы для хеджирования валютных рисков. Лондонская биржа металлов используется для проведения таваррук – контрактов, имитирующих денежный заем через куплю-продажу биржевых товаров (например, меди). Эта зависимость от западной финансовой инфраструктуры ставит под сомнение тезис об исламских финансах как полноценной альтернативе существующему миропорядку [1, с. 95].

Заключение

Таким образом, исламские финансы обладают внутренним потенциалом внести существенный вклад в повышение инклюзивности, этичности и устойчивости глобальной финансовой архитектуры. Принудительная привязка финансовых потоков к реальным активам, разделение рисков между инвестором и предпринимателем, запрет на финансирование социально вредных производств – все эти элементы созвучны запросу современного общества на более ответственную экономику. Дальнейшее развитие отрасли зависит от способности преодолеть фрагментацию стандартов, расширить географический охват, интегрировать цифровые технологии и сформировать устойчивые каналы взаимодействия с традиционными финансовыми системами при сохранении базовых ценностных ориентиров. Успех российского эксперимента может послужить катализатором для других немусульманских стран, рассматривающих партнерское финансирование как инструмент диверсификации источников капитала и привлечения инвестиций из дружественных юрисдикций в условиях фрагментации мировой экономики.

Список литературы

1. Беляков А.А. Исламские финансы в современной мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2025. № 2. С. 87–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskie-finansy-v-sovremennoy-mirovoy-finansovoy-sisteme> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Галиев Р.М. Исламские финансы в мировой экономике: тенденции и перспективы // Экономический вестник. 2024. № 3. С. 45–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskie-finansy-v-mirovoy-ekonomike-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Зарипов И.А. Направления и принципы кредитной деятельности исламских банков // Банковское дело. 2023. № 4. С. 48–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-i-printsipy-kreditnoy-deyatelnosti-islamskih-bankov> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Ибрагимов К.Х. Исламский банкинг: основные правила и принципы, перспективы развития в современных условиях // Финансы и кредит. 2024. № 6. С. 112–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-banking-osnovnye-pravila-i-printsipy-perspektivy-razvitiya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Исмаилов Т.Р. Привлечение заемных средств на условиях совместного партнерства согласно исламским правилам // Экономика и предпринимательство. 2023. № 8. С. 32–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-zaemnyh-sredstv-na-usloviyah-sovmestnogo-partnerstva-soglasno-islamskim-pravilam> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Калимуллина М.Э. Исламские финансы в современной рыночной экономической системе // Финансовый менеджмент. 2023. № 5. С. 68–79.

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskie-finansy-v-sovremennoy-rynочноy-ekonomicheskoy-sisteme> (дата обращения: 10.05.2026).
7. Муратов А.С. Исламские финансы в эпоху турбулентности: обзор современных тенденций, вызовов и направлений будущих исследований // Финансовые исследования. 2024. № 2. С. 34–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskie-finansy-v-epohu-turbulentnosti-obzor-sovremennyh-tendentsiy-vyzovov-i-napravleniy-buduschih-issledovaniy> (дата обращения: 10.05.2026).
 8. Новиков В.И. Развитие мировых исламских финансов на современном этапе // Банковские услуги. 2024. № 7. С. 18–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mirovyh-islamskih-finansov-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 10.05.2026).
 9. Сабиров Р.Т. Место исламской экономики в трансформации глобальной экономики // Вестник экономики. 2024. № 4. С. 51–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-islamskoy-ekonomiki-v-transformatsii-globalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 10.05.2026).
 10. Янковская А.В. Исламские облигации – особенности сукук // Рынок ценных бумаг. 2024. № 9. С. 76–84. URL: <https://bondholders.ru/tpost/065g3s4pi1-islamskie-obligatsii-osobennosti-sukuk> (дата обращения: 10.05.2026).
 11. Аксаков А.Г. Потенциал рынка исламских финансов России составляет 1 трлн рублей // РБК Татарстан. 2025. 19 мая. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/interview/19/05/2025/682b0f0b9a79472d74a9ea1d> (дата обращения: 10.05.2026).